

18+

Маяк Птичьего острова

Хроники земли
Сумбульветер

Татьяна Авлошенко

Татьяна Авлошенко

**Маяк Птичьего острова.
Хроники земли Фимбульветер**

«Издательские решения»

Авлошенко Т.

Маяк Птичьего острова. Хроники земли Фимбульветер /
Т. Авлошенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931783-4

Скучно жить в тихом университетском городе. Хочется приключений. Звон шпаг, корабли-призраки, тайны одиноких островов — все это бывает только в книжках? Или же нет? Оказаться в бурю на необитаемом острове, сразиться со старыми врагами, найти рукопись начала времен — вот что предстоит Ларсу, Герде, капитану Свану и Вестри. Оружие к бою, девчонок и собак в середину! И нужно еще зажечь маяк. Третья книга цикла «Хроники земли Фимбульветер».

ISBN 978-5-44-931783-4

© Авлошенко Т.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Заметки на полях	10
Глава 2	12
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Маяк Птичьего острова
Хроники земли Фимбульветер
Татьяна Авлошенко

© Татьяна Авлошенко, 2024

ISBN 978-5-4493-1783-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Плохо, когда океан гневается. В ярости своей Слепая Хозяйка не различает правых и виноватых, почтительных и непокорных, крушит карбаса, разделяя людей уже на дне. Кто-то попадет в свиту владычицы вод, будет вечно с хохотом носиться по волнам среди других холодных ловчих, кто-то сгинет между осклизлых камней, станет пищей неведомых чудовищ, но так или иначе смерти все равно не миновать.

Вот мелькнуло меж волн лицо. Растрепанная борода, белые вымытые водой глаза. Торстейн Браг, взятый океаном три месяца назад! Махнул худой долгопалой рукой, не то маня за собой, не то прочь путь указывая. К гибели? К спасению?

Вебьерн Хласк на секунду сжимает в руке костяной амулет. Ничего, он удачлив. Как и все на «Гагаре». Тех, к кому судьба недостаточно щедра, вообще не берут на карбаса. Будь ты хоть сыном вождя клана, сиди на берегу – в мастерских, где плетут сети, и в копильнях тоже достаточно дел. Нельзя, чтобы один бесталанный погубил весь корабль.

Мокрый парус рвется из рук, выламывает пальцы. Удержать. Продержаться. Где-то поблизости должен быть Птичий остров, там удобная бухта, вход в которую указывает маяк. Где же он? Почему не горит?

Волна, перекатившись через борт, холодным языком лизнула сапоги. Пробует, примеряется. Отпусти, Гневливая! Нет товара нынче на «Гагаре», нет тебе корысти. Вернемся домой, подарю горсть серебра на ожерелье.

Или не богатство тебе нужно? Нельзя быть слишком удачливым, слишком умным, ловким и смелым. Приглянешься Слепой Хозяйке, точно к себе заберет. Зато остальных кораблей пощадит. Может, и сегодня одного лишь из всех требует? Кого?

Волны смешались с тучами, и между ними напрочь затерялась луна. Мерзкие водянухи, распутив синие косы, пляшут на гребнях волн. Тела их светятся голубоватым сиянием, но только нечисть позволяет оно разглядеть. Тьма вокруг кромешная, туч и волн сражение. Где же маяк?

«Гагара» на секунду задержалась на гребне большой волны, словно вцепившись в воду, и в это время между разбежавшимися тучами вдруг показалась луна.

Вот он, Птичий остров, словно призрак поднялся из океана.

Почему же не горит маяк?

«Гагара» ринулась в узкую горловину ведущего к бухте пролива.

Сумели! Выжили! Вебьерн Хласк благодарно погладил амулет.

Огромный корабль, весь объятый мертвенным белым пламенем, возник перед «Гагарой», заслонив карбасу путь к спасению.

Вебьерн не успел прикоснуться к амулету. Страшно закричал Хрофт-кормщик. «Гагара» неуклюже зарыскала носом, ее повело в сторону. Удар. Грохот. Скрежет.

Вода под ногами. Вода над головой. Вода со всех сторон. Принимай, Слепая Хозяйка, своего избранника.

Глава 1

– ...И вот выкатывается вперед один из этих страховидл неумытых и начинает щит кусать. Берсерк, ты жмышь! Впавший в боевое безумие. На мороз с голым пузом выйти слабо, а вот щит грызть, это можно. А Снорри Верг смотрит на него и задумчиво так спрашивает: «Вкусно?». И-эх!

Ни уклониться от летящего в ноги палаша, ни выставить блок я уже не успеваю. Приходится прыгать. И тут же разворачиваться, ибо клинков у Свана два, рубится капитан с обеих рук, к ученикам беспощаден, а интересная история вовсе не повод отвлекаться от тренировки.

Милая семейная сцена в доме Кьолей. Стоит посреди двора капитан городской стражи Оле Сван, байки травит, двумя палашами помахивает. Мы с Гердой вокруг него носимся. Хельга и Вестри с крыльца за действием наблюдают.

После истории с сектой Ждуших, охотившейся за Гердой, Оле все же пришлось пересмотреть свои взгляды на жизнь и взяться учить девчонку драться. Не думая сделать из нее мастера клинка, Оле хотел хотя бы научить Герду защищаться. Не преуспел. Думаю, здесь не справился бы и сам легендарный Рагнар Хлар, учитель Оле и Хельги. Герда размахивала шпагой, будто палкой ковер выбивала, зажмуривалась, отворачивалась и прикрывала грудь свободной рукой. Но это еще ничего, озадачить противника таким немислимым стилем боя даже полезно, но вечно в защите не продержишься, иногда нужно переходить в контратаку. Тут-то и наступал конец всему. Герда могла стукнуть кулачком, лягнуть врага или, от большой беды, укусить. Но ткнуть в живого человека острой железкой, которой и убить можно... Такое деяние для милой девушки просто немисливо.

Через пару недель мучений Оле вздохнул (похоже, с облегчением) и решительно заявил, что лучший прием для девушки – подол в руки и бегом. Однако это тоже надо уметь.

В первый же свободный день мы проснулись, разбуженные доносящимся со двора грохотом. Капитан Сван строил полосу препятствий. Получилась она пожиже и попроще, чем у стражнических казарм, но интересного все равно много. Битый и целый кирпич, камни, горки, канавки, фунс знает что скрывающие сугробы, ледяные катки. И по всему этому надо бегать, прыгать, перекатываться. Герде просто так, мне со шпагой в руке, потому как для меня уроки фехтования продолжаются, и вездесущий Сван не просто наблюдает и рассказывает истории из стражнической жизни, а так и норовит рубануть одним из своих палашей в самый неподходящий момент. Враг – он, дескать, не вежлив, дожидаться, пока в позицию встанешь, не будет. Из каких только невероятных и неудобных положений ни приходится выставять защитные блоки!

Взбежать по наклоненной железной балке, спрыгнуть вниз, тут же уйти в кувырок, вскинуть руку, подставляя шпагу под летящий сверху клинок Оле, блокировать удар, подняться.

Герда замерла на верхнем конце балки. Жутко прыгать с высоты чуть ли не своего роста.

– Я никого не заставляю, – меланхолично говорит Оле. – Прыгай!!!

Пискнув, Герда прижимает руками подол и сигает вниз.

– Дочь моя, не позорь мои седины!

А Герда у нас теперь правда Герда Сван. Дочь Оле, признанная им перед миром и людьми.

Год назад Оле всерьез озаботился положением Герды в обществе. Город это не пограничный замок, со всеми его людьми клана, наемниками, отбитыми у кочевников пленниками, мимоезжими путниками, попросившими приюта на пару недель, а задержавшимися на три года, и прочими приемышами и приبلудами. Это в цитадели никого не интересует, кто и на каких правах обитает в башнях и пристройках, был бы человек хороший. В городе по-другому. Принадлежность к клану здесь значит мало, про незамужнюю девушку, живущую

в доме с чужими людьми, не раз подумают и скажут плохое. Даже обрученная невеста должна до свадьбы обретаться в доме родственников.

И вот то ли Сван сам услышал какую-то гадость, то ли кто-то ему таковую пересказал, то ли капитан вдруг подумал и понял, что непорядок. О чем и сообщил нам, прямо и откровенно, согнав на семейный совет.

Я-то готов жениться на Герде хоть сейчас, но старшие уперлись: маленькие, мол, еще, сначала до совершеннолетия дотяните!

Готовность вызвать всякого, кто осмелится говорить о Герде плохое, на честный поединок или же просто набить негодю морду, одобрения тоже не вызвала.

– Так и до свадьбы не доживешь, – мрачно заявил Оле.

– И как быть со склочными бабами? – добавила сестра. – Не будешь же ты с ними драться? Но слова не сажа, не липнут.

Хельга знает, что говорит. Когда она училась в Университете, единственная девушка на юридическом факультете, и после, когда только начала работать прознатчиком, ее имя трепали на всех углах. Гордая вурдесса не уделяла сплетникам внимания. Теперь хесса Кьоль в числе самых уважаемых людей Гехта.

Оле это не убедило. Пыхтел, как каша в горшке. Мир еще не видывал более занудного стражника. А после и Гудрун стала ему подпевать. Наша домоправительница всегда берет сторону Свана. Уважает она капитана за хозяйственность и любовь к порядку.

Хельга предложила отвезти Герду в Кьольхейм, пусть поживет до поры в клане, под присмотром наших родителей. Поехали втроем. Через два дня я отправился домой, а сестра решила еще немного задержаться в родовом замке. Скучать по Герде я начал, едва выехал за ворота.

Минуло половина недели. Окончательно ошалев от тоски, я оседлал Скима и двинулся к Кьольхейму. Не успел далеко отъехать от города, как встретил караван, с которым обе красавицы возвращались в Гехт. Нет, в цитадели клана Герде было хорошо, и семье она понравилась, но... В общем, тоже соскучилась.

Увидев на пороге вернувшуюся Герду, Оле чуть ус себе не откусил. Минуты три постоял, уперев руки в бока, пристально разглядывал своевольную девицу. А потом ухватил Герду за руку и поволок на улицу. Мы все следом.

В храме Берне, когда наша банда ввалилась в обитель покровителя рождения и детства, только что сам каменный Дракон Рассвета на алтаре не подскочил. Пожилая жрица, обернувшись к дверям, так и застыла с приветливой улыбкой и широко распахнутыми глазами. Две служительницы помоложе порскнули по углам, как мыши от метлы.

А Оле, отодвинул ногой протиснувшегося вперед Вестри, преклонил колено и, сграбастав Герду в охапку, протянул ее Берне, как это испокон веков делали молодые отцы новорожденных.

– Признаю дитя сие, Гердой нареченное, своей дочерью. Благодарю тебя, Рассветный, за ребенка обретенного, рода продолжение.

Странно, но из храма нас не выгнали. Пришедшая в себя жрица сказала только, что удочерение предполагает другой обряд. Но ничего страшного, Благому важны только чистота помыслов и искренность намерений.

Из храма мы уже спокойно пошли в ратушу, дабы оформить все документы на официальное удочерение Герды... Герды... Тут-то и выяснилось, что собственной фамилии у моей радости нет. Не балуют сирот из приюта благого Берне подобной роскошью. Если не сумеешь, выйдя в мир, найти себе службу и скопить денег на наречение, или же войти в какую-нибудь семью, то так и останешься на всю жизнь бродягой безродным.

– Пиши мою, – подумав, велел чиновнику Оле. – Замуж выйдет, сама разберется, а пока что Кьолей вон сколько много, а я один в городе Сван.

– Вот и стала я мачехой, – задумчиво произнесла Хельга, когда мы наконец вышли из ратуши. – Оле, храмовых-то зачем так пугать было?

– Знаю я их, – проворчал стражник. – Развели б тягомотину на месяц – то день не тот, то свидетелей недостаточно, то ветер не в ту сторону дует. Так и дело делать расхочется. Пойдемте заодно к Хустри сходим. Ларс, ты ж на моей дочке жениться не передумал?

Я не передумал, но просить руки любимой девушки у новоявленного папаши никак не собирался. А пришлось. Оле вдоволь покуражился, но наконец согласился, тестюшка. В знак чего показал нам с Гердой свой могучий кулак.

– Вы у меня смотрите!

Смотрю. Любуюсь. Волосы Герды, прежде недлинные и гладкие, отросли и завились мелкими тугими кольцами. Глаза изумрудные, ночными сполохами сверкают. Руки, когда с них сошли цыпки и царапины, оказались очень красивыми, белыми, ровными. За минувшие месяцы моя радость вообще захорошела, как кошка в добром сытом доме. Округлилась где надо, гладкая стала, мяконькая. Очень приятно ее обнимать. Обнимать – и не более. Строга. Будешь руки тянуть, куда не следует, сразу по ним ох как получишь.

Ладно, Драконы с ним со всем, а также с вредным папенькой Оле, пересудами соседей и прочим. Главное, на безымянном пальце Герды рядом с бронзовым колечком появилось серебряное и точно такое же ношу на руке я. Мы обручены и через год... Ух!

На этот раз удар снова идет сверху. Принимаю палаш Оле на шпагу, эфес к эфесу. На несколько секунд мы замираем. Ловушка для обоих. Это только на празднике Начала Времени стражники и солдаты, изображая косматых воителей древности, с грозным рычанием топчутся под скрещенными мечами, пытаясь пересилить друг друга. В жизни, если начнешь вот так давить противника или увлечешься сопротивлением, быстро получишь под ребра кинжалом, а то и просто кулаком.

Оле ниже меня ростом, но гораздо сильнее. Отбросить его клинок в сторону, одновременно заставляя стражника раскрыться, вряд ли получится, а вот отскочить, разрывая дистанцию и лишая давящую руку опоры... Не успеваю. Оле со всей мочи толкает меня в грудь.

Под каблуками оказывается лед. Скольжу, неловко наклоняюсь. Тут же получаю по шее тупой стороной палаша. Не больно, но обидно.

– Все, условно убит. Герда, обойдемся без оплакивания и горестных воплей.

Еще одно женское оружие – громкий крик. Оле как-то предложил Герде заорать изо всех сил. Тихая девушка заблуждала так, что соседи и стражнический патруль чуть ли не с другого конца улицы примчались, узнать, где горит, кого убивают? Пришлось Оле возвести поклеп на некую ни в чем не повинную мышь. Герда на Свана обиделась, мышей она любит. Вопли сразу были зачислены в достаточные умения. Мне бы Оле хоть раз что-нибудь простил...

– И что это был за кожкрыл взлетающий? – ехидно интересуется Сван. – Падаешь – падай. Сколько времени ты потерял, размахивая конечностями? А как при этом раскрылся, и говорить не буду, страшно. Смотри: завалился правильно и все, достать тебя уже трудно, да и удар у противника сбит. Тут же откатился, тут же встал. Понял? Изобрази. Раз пять для начала. Учишь тебя, учишь... Нет, не видать мне спокойной старости.

Заметки на полях

Далеко, в такой дали, что и подумать-то чудно, за доспешным поясом пограничных замков, в самом центре земель кочевников лежит озеро. Чистый, белый снег устилает берега его, и такой же – на льду. Ни единого следа вокруг, только чернеет посреди озера круглая ровная полынья. Говорят, что если добраться до того озера, подойти к полынье и посмотреть в студёные темные воды, увидишь всю свою жизнь. Будешь знать, как беды избежать, чем от судьбы откупиться. Только страшно это, не всякий решится, потому как, явив жизнь, покажет колдовская полынья и чью-то неизбежную смерть.

Кто-то идет следом. Шур... Шур... Герда обернулась. Нет, никого, только ее следы, неглубокие овальные ямки, замечает ветер сухим мелким снегом. Одна ты здесь, девочка. Судьбу узнавать толпой не ходят.

Еще три шага, и Герда увидела полынью.

Распахнулась, словно злобный насмешливый глаз притаившегося чудовища, уверенного, что жертва от него не уйдет. Маленькая бездна, заполненная черной непрозрачной водой. И рука Ларса, медленно, обреченно скользящая с ледяного края. Вздых – и нет ничего. Только блеснуло на пальце тонкое серебряное кольцо.

Это сон! Сон! Мерзкий лживый сон! Злые натлинги морочат, пугают, чтобы вдоволь полакомиться отчаянием и страхом. Соскочив с кровати, Герда плеснула на ладонь воды из кружки, умыла лицо, а остаток стряхнула с руки, поворачиваясь по ходу солнца. Плетущие злые сны сырости не любят, сразу разбегаются, унося с собой нехорошие творения.

Чуф, чуф, куда ночь, туда сон, куда сон, туда страх.

Сразу ложиться спать нельзя, нечисть может вернуться. Завернувшись в одеяло, Герда уселась на подоконник.

Час до рассвета, глухое время. Темно на улице, неприглядно. Только фонарь напротив окна горит уютным желтым светом. Как тогда...

Возле фонаря и встретились. Вообще-то она по дневному уговору должна была ждать дома, пока соберется вся семья – милость Драконов, дом, семья! – чтобы решить, как дальше жить и что делать бывшей приютской девчонке, бывшей жрице, особо угодной Десятерым, отринувшей великую честь служения. Сама она, растерянная, испуганная всем случившимся, а особенно как с неба свалившейся славой и почестями, хотела только убежать, спрятаться, чтобы не нашли. Кто не нашел? Все. Но Ларс...

Двадцать раз за два часа подумав и передумав, не усидела дома, выбежала встречать Ларса, а, увидев его в конце улицы, замерла под фонарем, разом растеряв все слова да и решимость их сказать тоже.

А Ларс подошел спокойно, взял ее за руку и отвел в храм Хустри. У Золотистого покровителя любви, семьи и брака вечером тихо, людей нет. Под пристальным взглядом топазовых глаз Дракона вдели друг другу пальцы в бронзовые кольца. Долго стояли молча, обнявшись. Уткнувшись носом Ларсу в грудь, слушая, как бьется его сердце, думала, что сейчас полагалось бы плакать от счастья, но ни одной слезинки нет. Только казалась самой себе расколдованной принцессой из сказки, и таяли, исчезали навсегда сковывающие прежде ледяные цепи. Ни страха, ни тревоги. Жизнь будет хорошая.

Дома их ждали.

А жизнь и вправду была хорошая. Настолько все ладно, что останавливалась иногда, зажмурившись – действительно ли со мной? Не сон ли? Такое счастье – и мне?

Но накатывал иногда страх. Не прежний, за себя. За Ларса.

Судьба хрониста. Хельга рассказала еще в первую зиму, когда ждали своих из Белого Поля. Про хронистов говорят, что они все время ходят под когтями Багряного Дода. Они

должны быть свидетелями всему, что могут увидеть. И писать правду, чтобы сохранилась в летописях. Поэтому хронисты погибают. От случайной пули, от клинка захватчика, от заразного воздуха поветрий, от удара ножом в кабацкой драке, от кнута и каленого железа в пыточной подвале.

Редко бывают у хронистов семьи. Какая девушка согласится выйти замуж, зная, что в любой час может овдоветь. И тебя, если захочешь уйти, никто не осудит. В жизни устроиться поможем, не пропадешь. Только уходи сейчас.

Ох, как же она ревела! Не от страха и не от отчаяния, а от жгучей обиды, что Хельга могла подумать, будто она, Герда, способна так предать Ларса.

Хельга, обхватив себя руками за плечи – до чего ж похожа на брата, только волосы и глаза светлее, настоящая Ледяная Дева из сказок, – молча смотрела куда-то в темный угол комнаты, а потом тряхнула головой так, что из волос, заколотых «розой», вылетела шпилька, и сказала, что вот же две дуры, сами себе напридумывают и сами слезы льют. Уже четверть века как король Улаф Мудрый специальным указом запретил хронистам в одиночку разъезжать по Белому Полю и без приглашения лезть в замки вурдов, Гехт – спокойный университетский город, кочевников под стенами которого в последний раз видели во времена Смуты, а свои подснежники хронистов не бьют, почитая тех кем-то вроде юродивых, которых обижать недостойно.

Смеялись над собственной глупостью, а потом полезли под стол искать Хельгину шпильку и стукнулись лбами, и тут уже зашлись в таком хохоте, что Гудрун прибежала выяснить, что случилось, а Вестри не знал, кого из двух сидящих на полу хозяек охранять, и на всякий случай попытался влезть на руки сразу обеим.

И снова жизнь стала хорошая, милая. Вот только снились изредка дурные сны. Да еще вспоминали иногда в семье Торгрима Тильда, учителя Ларса, бывшего хрониста города Гехта. Сгинувшего два года назад.

Глава 2

Всё-таки Оле Сван злыдень, каких мало. И сестрица моя не лучше. Загоняли вчера так, что... Нет, встать могу, просто очень не хочется. А время уже довольно позднее. Хорошо, что часы присутствия хрониста в ратуше точно не оговорены. Могу хоть вообще не появляться, может, я в судебном архиве сижу или чьи-нибудь семейные документы разбираю. Кому понадобится, найдет.

Но подняться и выйти в город все равно придется. Такой сегодня день. Работать надо.

Ой, как спать хочется! Не надо было все-таки вчера за книжку браться. Минут двадцать почитаю и хватит, ага. С другой стороны, совсем не читать – одичаешь. А кроме как ночью и времени нет. Вот имеются же, наверное, у кого-то сестры, чьим мужьям безразлична жизнь жениных родичей? Судьба хрониста, умение выжить... Если в нашем любимом Драконами Гехте меня кто и прикончит, то это сам Оле. Не происходит в университетском городе ничего такого, о чем, жизнью рискуя, нужно сохранить правду. Ничего вообще не происходит. Кроме тех историй, в которые лихо влезает наша семья.

Поеживаясь и поругивая злодея Оле, я как-то сам для себя незаметно поднялся, оделся, спустился вниз, умылся и добрел до кухни.

В доме тихо. Все наши уже разбежались, даже Гудрун, прихватив Вестри, отправилась на рынок или на городскую кхарню за молоком и сливками.

– Утречка, соня!

За столом сидит Герда.

Кого я меньше всего ожидал увидеть, так это ее. Три дня только и разговоров было, что в оранжерее вот-вот расцветет какая-то колючка с непроизносимым названием. Очень полезная, крайне капризная. Два года эта пакость торчала из земли лохматым зеленым кукишем, не торопясь радовать оранжерейных служителей цветами и плодами. Не выкинули ее лишь потому, что покупали на деньги из городской казны, да еще в соседнем Форке целая грядка подобного чуда усердно приносит урожай, обогащая соседей и давая нашим надежду. А потом пришла Герда. И через неделю скукоженное зеленое недоразумение налилось соком, а недавно и белые остроконечные бутоны появились. Которые сегодня должны распуститься. Герда ждала этого дня больше, чем всех праздников года. Почему же сейчас она дома?

– Садись завтракать, а я побежала, – только что моя радость сидела за столом, и вот ее голос доносится уже из прихожей. – Опаздываю – жуть! Гудрун срочно понадобилось на рынок, а она боялась, что ты опять удерешь, не поев.

Гудрун есть Гудрун. Для нее главное в жизни, чтобы подопечные кушали хорошо и регулярно. Даже если Девять Драконов явятся людям, чтобы в очередной раз изменить судьбы Фимбульветер, наша домоправительница никого никуда не отпустит, пока не покормит. Ничего, подождут творцы мира. А лучше пусть разделят трапезу.

Что перед этим дела земные?

– Герда, – окликнул я бушующую в прихожей метелицу. Стук да гром поспешных сборов на секунду стих.

– Герда, а на этот ваш цветочек дивный постороннему человеку взглянуть можно?

– Если интересно, то можно.

– Естественно интересно. Потом еще и в хронику запишу. Что цвел впервые в десятый день осени десятого года правления Хрольва Ясного, а взлелеяла это чудо Герда Сван, за что честь ей и хвала от восхищенных сограждан и благодарных потомков.

Герда фыркнула.

– А Ларсу Кюлю от них же недовольство и порицание за то, что летописи неважным засоряет. Значит, придешь посмотреть?

– Приду, конечно.

Цветущая колючка интересует меня не больше, чем Герду пыльные выцветшие документы былых времен. Просто хочется лишний раз посмотреть на мою радость. Выбраться, что ли, сейчас в прихожую, с кружкой отвара камилки в руках, якобы демонстрируя свою честность по отношению к завтраку? Нет, буду мешать, а Герда и без того уже сильно задержалась.

– И почему на службу надо уходить в рань несусветную? Утром люди должны спать.

– А Гудрун говорит: «Кто рано встает, тому Ханделл подает».

– Ошибка. Поддает он, а не подает. Чтобы двигались быстрее, раз встали, а проснуться забыли. Сама подумай, с чего бы это покровитель богатства и торговли кому-то подавал? Он же первейший скряга. Ошиблись раз нерадивые переписчики, и пошло гулять. Поклеп сплошной на Желтого возводят и...

Перестаю нести околесицу, потому что Герда, неслышно подойдя сзади, обняла меня и прильнула щекой к виску.

– До сколько ты вчера читал? Время Кожекрыла? Это же ночь глубокая.

Ну скажите на милость, откуда она, живя через две комнаты, знает, когда я отхожу ко сну?

– Я чувствую, – отвечает Герда, хотя я и не задал вопрос вслух. – Я знаю твоё дыхание, как бьется сердце. Я всегда буду знать, что с тобой, где бы ты ни был. Но не всегда могу понять, почему. Ты не спишь, потому что хочется подольше почитать, или читаешь, потому что не заснуть? Сны плохие снятся?

– Нет, сны... хорошие.

– Утром не проснуться, вечером не успокоиться. Ты ведь камилку пьешь?

– Да, она вкусная.

Почему-то из всей семьи отвар из мелких белых цветочков люблю только я. Остальные считают его пригодным лишь для полоскания больного горла и укрепления волос.

– А ведь она успокаивает.

– Так что, нельзя? – я с сожалением заглядываю в кружку с зеленовато-золотистым отваром.

– Пей на здоровье, только вечером. Тогда уснешь нормально, вовремя. Ладно?

Герда быстро целует меня в висок. Время спустя, вглядываясь в гибельный океанский туман, и прижимаясь лбом к холодным камням проклятой Арахены, и пытаюсь вырваться из живого лабиринта Секирного поля, буду я помнить этот поцелуй. Не было и не будет у меня талисмана надежнее.

Хлопнула дверь на улицу, и в кухню, оставив Гудрун в прихожей, радостно влетел Вестри. Чтой-то вы тут делаете? Может, курей едите? Обнимаетесь? Обниматься можно только со мной!

А вот когти нашему песику не мешало бы подстричь.

– Ларс Кьоль, не морочь мне голову.

Букинист Магнус Бёрн гневно вздернул на лоб очки и демонстративно уселся в кресло.

– Книга, упомянутая на полях хроники! Справочник по растениям двухсотлетней давности издания. Милостью Драконов валяется где-нибудь в недрах университетской библиотеки. Или, что вероятнее у кого-нибудь в подвале. Только у меня, у тебя да еще нескольких человек в нашем городе при виде старой книги загораются глаза и начинают дрожать руки. Для остальных это хлам, мало чем отличающийся от рваной одежды и сломанной утвари. Ее могли отдать в качестве приданого дочери, вышедшей замуж в другой город, подарить ребенку, чтобы вырезал картинки, продать заезжему купцу на фунтики. Крысы! Ее могли попросту съесть крысы. Откуда ты взял, что такая книга есть в моей лавке?

– Ваша лавка стоит здесь с основания Гехта. Ваш отец был букинистом, и дед...

– И дети мои, окончив Университет, продолжают семейное дело. А муж твоей сестры потомственный стражник. Это ж не значит, что у вас в доме валяются кирасы трех поколений.

– Оле палаш от деда достался.

И чего, в самом деле, мне так загорелось найти этот «Гербариум или Список растений, от ледника в оранжереях сохраненных»? Увидел название, наспех записанное на полях старой хроники, и решил, что Герде такая книга должна понравиться. А с чего подобные выводы? Может, там ни единой картинки, ни одного изображения растения нет, или же это сухое перечисление и без того известных названий. Прав хеск Магнус, зря я третий час извожу уважаемого человека, гоняю его по шкафам и полкам. Выставит он меня с позором и в другой раз на порог не пустит. Удивительно, что до сих пор этого не сделал, особенно после того, как я додумался спросить, точно ли почтенный букинист знает все свои немалые книжные запасы?

Хорошо, что подарок Герде я уже купил. Маленькую, в четверть листа книжицу, украшенный цветными миниатюрами сборник старинных баллад. Моя радость такое любит. И сам потом попрошу книжечку почитать. Может быть, удастся к какой-нибудь балладе музыку на гитаре подобрать.

– И как выглядит эта книга, ты тоже не знаешь?

– Нет. Но она должна быть такая... Такая...

– Должна быть! А еще во время недавней облавы на сектантов, они спрятали у меня в лавке проклятую книгу, которую тоже никто в глаза не видел. Или, может быть, тебе еще фолиант, написанный до прихода ледника найти?

– А до ледника, конечно, книг вообще не писали, сидели в пещерах и одевались в шкуры, как кочевники, – неразумно огрызаюсь я.

Сейчас выгонит.

– Я не настолько стар, чтобы помнить это, – погрозил мне пальцем терпеливейший Магнус Бёрн. – Никто не знает, что было до ледника. Он словно жернов перемолол прошлую жизнь. А то, что осталось, сожгла Смута. Не мне тебе объяснять, зачем Фимбульветер понадобились хронисты. Но хорошо. Если ты так уверен, что этот «Гербариум» существует и что он в моей лавке, сам его и ищи. Найдешь – дам пряник. А если эта книга вообще как-то появится, подарю ее тебе. Согласен?

Я оглядел комнату. Три стены заняты высокими, под потолок стеллажами, от края до края заставленными книгами. И таких комнат в лавке Магнуса Бёрна три. До седой бороды буду книжку искать.

– Можно я начну завтра вечером?

– Стой, хронист!

Окрик ражего доезжачего из свиты вурда-самодура, загнавшей в Белом Поле неугодного правдолюбца. Никак не подходит он ректору Университета. Но именно он, почтенный и ученый, в развевающейся синей мантии летит ко мне от главных ворот.

Хрорику Верьясу любой ветер в спину. Пять лет назад принял он от ушедшего на покой прежнего ректора руководство Университетом, и с тех пор обитель премудростей бурлит и пенится. Сему ученому мужу мало того, что за годы обучения студенты получают положенные знания и умения, он жаждет нового и полезного. От стремительного, трескучего, словно огненная птица Хрорика очень много шума и очень много толка. Ректор не только поощряет идеи университетского люда, но и всячески способствует их воплощению.

– Слушай, Ларс, что я тебе скажу.

Как не слушать, если Хрорик крепко ухватил меня за пуговицу? Привычка у человека. Если кто-то идет от Университета с оторванной застежкой, значит точно пообщался с хеском ректором. Интересно, ученых дам и студенток он тоже так хватает?

– Мы хотим создать энциклопедию Гехта, – рек Хрорик замолчал почти на пять минут, давая мне возможность проникнуться величием замысла. – Да, энциклопедию. История, география, повседневная жизнь и, конечно же, глава про Университет. Так вот, – еще одна много-

значительная пауза. – Собери нам материалы из летописей. Понимаешь, о чем я? Как хронист. Только правду, без вранья и досужих выдумок. О сроках поговорим позже.

Осчастливив меня поручением, хеск ректор умчался прочь. Взлетел по лестнице, обгоняя студентов, и исчез. Пуговица осталась при мне. Так же, как и мнение.

Чтобы добраться от Университета до местного отделения Палаты Истины, надо пересечь двор, снова пройти мимо лавки букиниста и прочих ей подобных, выйти в главные ворота, миновать Квартал Мудрых, свернуть на Поперечную улицу, потом на Доспешную, по которой вернуться ровно на пройденное по Мудрых расстояние. А можно просто рвануть напрямую, мимо хозяйственных построек Университета, несолидно перелезть через две ограды, немного прошагать по проулку между ними и вот он, стражнический плац.

Только я миновал принадлежащие ученой братии флигели и сараи, только ухватился руками за верхний край ограды и оперся сапогом на удобный камень, только подтянулся, собираясь перелезть, как кто-то хват меня за рукав.

– Ай-ай, достопочтенный хеск хронист, какой пример подаете простым горожанам!

Оле Сван.

– От Хрорика спасаешься? – деловито поинтересовался капитан, оседывая заграждение.

– От него. Тебя тоже запряг?

– Всё о страже, – кивнул Оле. – От устава до суеверий. Как надо, ученые сами напишут, с меня только сведения. Ох, силен ректор! Всех, кого поймает, к делу приставляет, а сам только следит, чтобы не отлынивали. И смотри ж ты, все удастся, и в Университете Хрорика любят. Знаешь, почему?

Я задумался. Только что хеск ректор дал мне задание... Да нет, просто отдал приказ, не поинтересовавшись, ни хочу ли я заниматься сбором материала для энциклопедии, ни есть ли у меня на то время. А я... Я, фунс побери, безмерно рад предложению Хрорика и уже предвкушаю, как в ближайшее время буду не скучно шуршать документами в архиве или пялиться в окно ратуши, а займусь хорошим нужным делом. А что до Оле, так он ни одного новичка не выпустит из когтей прежде, чем ни расскажет ему все о городской страже, да не по одному разу.

– Так в чем причина благоденствия?

– В том, что Хрорик поручает людям только то, что им интересно и что они могут сделать.

– Верно мыслишь, – одобрил Оле. – Слезает с забора, а то сидим, как два ворона. Ты куда сейчас?

– К Хельге, на «насест».

– И я туда же. Идем.

По поребрику вдоль улицы идти гораздо интереснее, чем по брусчатке. Оле взглянул с одобрением, для стражника узкий каменный брус не забава, а еще одна тренировка. Но сам предпочел мостовую.

– Вот, это хорошо. А будешь в ратуше качаться на стуле, и сам грохнешься, и мебель казенную поломаешь.

– Откуда ты знаешь, что я... – оскальзываюсь на поребрике, но все же умудряюсь удерживать равновесие.

– Предположил.

– Скучный ты человек, Оле Сван, ни фантазии у тебя, ни полета мысли.

– Зато у тебя их хоть отбавляй. А в семье должен быть хоть кто-то серьезный и здравомыслящий.

– А Хельгу ты таковой не считаешь?

– А как ей без помощников? С вами, оболтусами? Что ты, что Вестри. Даже дочка моя, и то... Не в меня удалась.

– Оле, Герда ж тебе не родная.

– Ох, Ларс, не знаю. Я в молодости, до Хельги, часто блуд... заблуждался.

А ведь Сван, похоже, не шутит. Дрожите, недоброжелатели капитановой дочки.

– Ты бы хоть песенку ей сочинил или стишок какой, – как ни в чем ни бывало продолжил Оле. – В порядке ухаживания.

– Оле, я не умею.

– Ага, и вообще неграмотный. Я Хельге и то... Подожди-ка.

Сван по стражнической привычке все время оглядывался на ходу, а теперь вовсе вернулся назад и, чуть пригнувшись, внимательно созерцал что-то или кого-то на виднеющейся в просвет меж домами Поперечной улице. Выражение лица у капитана было на редкость довольное.

– Так, идем, – Оле вроде и не побежал, но угнаться за ним было трудно. – В сторонке постоишь, посмотришь, чтоб не говорили потом... Ну здравствуй, Ключарь.

Жертвой Свана оказался совершенно неприметный человек из тех, с кем десять лет проживешь по соседству, а потом, встретив на улице в другом квартале, не заметишь или не узнаешь. Блеклый балахонистый плащ и шляпа с обвисшими краями скрывали его фигуру и лицо, вовсе лишая всякой индивидуальности. Горожанин неуклюже топтался на крыльце дома. Чего Оле к нему прицепился?

– Что, Ключарь, пришел или уходишь?

– В чем дело, стражник? – неприметный тип сверкнул из-под полей шляпы большими, как колесо прялки, «совиными» очками. – В Гехте человеку нельзя идти к себе домой?

– Здесь, значит, проживаешь? – Сван указал на дверь дома.

– Я проживаю на Осенней улице. На крыльцо поднялся просто чтобы спокойно достать кое-что из кармана. Не останавливаться же посреди улицы, мешая людям.

– Это кое-что не ключ ли будет?

– Ключ. И что?

– Который как раз к этой двери подходит?

– Какое наглое беспочвенное обвинение! – завопил вдруг Ключарь пронзительным склочным голосом. Люди, идущие по улице, заглядывались, некоторые останавливались. – Даже если я и хозяева этого дома купили замки у одного кузнеца, что с того?

Под взглядами народа Оле стушевался.

– Ну ладно, ладно... – пробормотал он.

– Нет, не ладно! Не ладно! За что город платит вам жалованье, чтобы вы честным людям проходу не давали?

Оле совсем скукожился и низко опустил голову. Зачем он все это терпит? Ну, ошибся, мог бы сейчас просто уйти, не слушать, как этот склочник его перед людьми позорит. Они были одного роста, но Ключарь стоял на ступеньках крыльца, а Сван на земле. Гневно подбоченившись, горожанин нависал над стражником, напоминая в своем широком плаще сову, метящую закогтить добычу.

– Думаете, если у вас есть оружие, вам позволено все? – кипятился Ключарь. – Грязные прожорливые твари! Скоро они будут запросто врываться в наши дома, брать, что заблагорассудится!

И тут Оле поднял голову.

– Научишь, снурок?

Кулак хулителя врезался в запрокинутое лицо капитана.

От неожиданности я зажмурился. Будто сам только что получил в зубы и стою теперь, ошалело трогая языком кровоточащую губу. Невозможно, немыслимо. Чтобы Оле Сван пропустил удар, не уклонился, не закрылся... Сам подставился...

Я снова посмотрел на Свана и горожанина. Ключарь уже не реял гордой птицей, а битой тушкой свисал в захвате Оле.

– Хамить это ладно, – говорил капитан Сван, стаскивая противника с крыльца. – Нам не обидно. Каждого дурака слушать, это ж сам обалдеешь. А вот бить стражника при исполнении, это уже чревато. Это уже трое суток в каталажке. Извините за шум, хессе, – поклонился собравшимся на улице обывателям. – Толай, чудила.

– Снурок – это самый ничтожный воришка, руки дырявые, – объяснял Оле, твердой рукой направляя Ключаря на путь к узилищу и при этом умудряясь раскланиваться со встречаемыми. – Слово это у подснежников оскорбительным считается, тем более для Ключаря, вора солидного, ловкого. Он, пакость такая, чем промышлял: следит за каким-нибудь домом, все о жильцах узнает. Дождется, пока все уйдут, а хозяйка на рынок отправится, вытащит у нее ключи и, пока почтенная матрона на товар смотрит и языком треплет, спокойно дом потрошит. Берет мелкое, но дорогое – серебро, украшения. Как в дом попадает, тоже интересно. Подойдет, постучит, потом быстро дверь ключом открывает. Соседи, если заметят, не настожатся. Ну, пришел человек в гости или по делам, постучал, его впустили. Какой вор днем промышляет? Несколько раз его в доме заставляли. Ключарь или прятался, выжидал, или прямо на хозяйку бросался. С ног собьет и ходу. Бедная женщина и понять не может, то ли человек ее толкнул, то ли ниссе-домовой вылетел. Были дамочки покрепче, ор поднимали. Только Ключаря на улице хватать бесполезно. Сам кипеш до небес учинял, я, мол, просто мимо шел, а вы, псы кровавые... Ну, ты сам слышал, сегодня он еще разойтись не успел. Приходилось отпустить, что в доме только что был, не докажешь. А уж если успеет, очки снимет, распрямится, так вовсе другой человек. Обыскивать бесполезно. Не знаю, как он хабар скидывал и как потом забирал, но ни разу при нем ничего не нашли. Ларс, открой дверь.

На пороге караулки меня под каким-то тут же забытым предлогом перехватил капрал Освальд Харп. Стражники еще до наступления вечера узнают, как капитан Сван сумел прижать скользкого Ключаря, но зачем ждать, когда можно разведать уже сейчас? Пришлось рассказать, причем раз пять, потому как к концу повествования неизменно подтягивались новые слушатели.

Стражники были довольны.

Когда я, наконец, добрался до «насеста» Хельги, там уже сидел Оле Сван.

– ...Тем более что не я его, а он меня стукнул.

– А ты приложил к этому все усилия.

– Хельга, он стражу ругал. Ларс подтвердит.

– Истинная правда.

– Это заговор? – выгнула бровь сестра. – Опять за старое?

В первые годы в Гехте мне часто приходилось драться. Улица вообще жестока к пришлым, а я, потомок знатного рода, живущий не в роскоши, ученик хрониста, ремеслом своим и клятвой всегда говорить правду обреченный на безвременную смерть, и потому непонятный, чужой, был особо притягательной мишенью для каверз и насмешек. «Его родная сестра хронисту продала!» – было самой безобидной из них. А что еще говорили про Хельгу, этого я не повторю и под пытками. Потому после очередного побоища я шел не домой, а в караулку к Оле. Капитан шипел, как пещерный полоз, вытирал мне текущую из носа юшку, помогал замыть пятна крови на куртке, а потом учил, как защищаться и как давать сдачи. Провожал до дома и вдохновенно врал Хельге, что я упал с кхарна, неудачно подставился под деревянный учебный меч, не заметил открывающуюся дверь. Ну что поделаешь, слабый нос, стоит легонько стукнуться, так он тут же кровить начинает. Я молчал, потому что хронисты не лгут. А в дни, когда Оле срывался и от неизбывной тоски по Хельге засиживался в кабаке, выбегал впереди стражника на разведку, чтобы вовремя предупредить, и хесса главный прознатчик не засекала, что капитан Сван явился на службу пьяненький.

Недавно выяснилось, что сестра про все наши сговоры прекрасно знала.

– Хельга, – до этого Оле стоял, опершись руками о стол, но теперь не глядя подтянул табурет и уселся основательно. – Я не знаю, чего ты кочевряжишься, но женщина ты умная, к тому же моя жена, значит понимать должна. Я ведь клятву давал – в этом городе закон и порядок беречь и защищать.

– Закон, Оле, – тихо вставила Хельга.

Сван мотнул медвежьей башкой, словно уздечку сбросил.

– А прежде всего людей беречь. И мерилom всему моя совесть. Если я однажды натворю такое, что мне будет стыдно перед вами, семьей моей. Или перед ребятами из стражи. Полковником Гьерном. Олафом Трюгом, доктором. Торой Хольм. Хеском ректором нашим. Другими хорошими честными людьми. Вот это плохо будет. А еще хуже, если я чего-то могу, но не сделаю. И Ключаря я без доказательств взял, потому что по совести мне так положено. Что ударить себя заставил – не стыдно. Ждать, пока его на краже накрою, по закону? Долго придется. А так хоть на три дня, а одним вором в городе меньше. Я преступника притащил, а под честный суд его ты подводи. Грехов на нем, что сосулек по весне. А ты кружева словесные плести мастерица, на чем-нибудь да поймаешь, припрешь, сознается. А отпустишь на этот раз, снова приволоку. Я Ключаря в каталажку пристрою. Уж как сумею. Только пока я живой, в этом городе порядок будет. А когда подохну...

Оле махнул рукой, завершая разговор, который не хотел больше вести, да и слова для него у стражника кончились. Но даже этот жест вышел у него четким и выверенным. С самой смертью служивый поспорит, если что будет не по нем. Если в крепкую башку Оле явилась какая-нибудь идея, то там она навеки и останется. Когда Сван думает, что прав, спорить с ним бесполезно. А прав капитан стражи, по своему глубокому убеждению, всегда.

– Ох, Оле, Оле, – вздохнула Хельга, – иногда мне самой хочется огреть тебя чем-нибудь тяжелым.

– О, а я все думаю, чего нам не хватает в семейной жизни? Ежедневных драк на главной площади!

– Не дождешься! – рассмеялась Хельга и по-девчачьи показала мужу язык.

Дверной молоток при входе в оранжерею необычный: длинная извилистая плеть, от которой во все стороны торчат разлапистые листья, а внизу чешуйчатая шишка. Именно за нее надо браться, чтобы постучать. С непривычки боязно. От времени бронзовая конструкция позеленела, сделавшись похожей на то живое растение, что вьется по специальным подставкам в стенах оранжереи. Герда говорит, оно называется хмель.

Дверь мне открыл Гуннар Крон, студент механического факультета, подрабатывающий в оранжерее привратником. Технарей, и учащихся, и уже получивших степень магистра, в оранжерее вообще много околачивается. Следят за системой стекол и зеркал, отопления, пневматическими насосами и прочей машинерией, простому человеку не понятной.

Страж к долгим приветствиям не склонен.

– Герду позвать?

– Да.

Гуннар рассеянно кивнул и, не отрываясь от толстой книги с чертежами и схемами, убрел разыскивать мою радость.

Хорошо, когда дежурит Крон. Он вечно погружен в какие-то технические раздумья и изыскания, с посетителями оранжереи трепаться не настроен, главное, чтобы закрывали дверь, холод с улицы не напускали. А вот если при входе сидит Гунилла Свель, внутрь лучше вовсе не заходить. Что она, что булочница Тора Хольм, час будет расхваливать Герду, говорить, как мне повезло, и удивляться, что такая славная девушка вдруг решила выйти замуж за хрониста, обрекая себя тем самым, быть может, на раннее вдовство.

Я, конечно, рад, что к Герде так хорошо относятся и всех тревожит ее будущее, но что они все прицепились к судьбе хрониста?

У-у-у, этого еще не хватало! Девицы из оранжереи – это ужас. По отдельности вроде как нормальные люди, но стоит собраться хотя бы вдвоем... Пялятся, как овца в зеркало, переглядываются многозначительно, хихикают. А так как больше чем здесь их только в прядильне при городской кхарне, сбиться в стайку проще простого. Щебетуны. Видел я однажды, как такая же орава синиц гоняла ворона.

Сейчас на галерее, где должна появиться Герда, торчат аж три красотки. Поздороваться или сделать вид, что в упор их не замечаю?

На мое счастье, скоро пришла Герда. Спускалась по лестнице, неся перед собой глиняный горшок с драгоценной колючкой. Такая счастливая. Такая красивая.

– Вот! – Герда протянула мне горшок с растением.

Ничего колючка. Не противная, даже симпатичная. Из земли торчит большой белый шар, будто скатанный из светлой кхарновой шерсти, сквозь которую просвечивает зелень. Белые мелкие цветы с красой сердцевинкой. Редкие длинные шипы неопасно загибаются на концах. Я осторожно потрогал пальцем пушистую «шерсть». Жесткая, но не колет.

– Хорошая, правда? – с надеждой спросила Герда.

– Хорошая. А польза от этого шарика какая?

– Ой, я не помню. Можно у хеска Брума спросить, он с Форкской оранжереей переписывается. Все равно ведь красивая, славная такая.

Ясно. Меня как-то спросили: какая тебе, мол, польза от Вестри? Не охотник, не охранник, был бы хоть породистый, а то дворняга несусветная. Все так. Но ведь лучше моего пса на свете нет.

А ведь Герда наверняка дала своей колючке имя. Я хотел спросить, но любопытные девицы на галерее уже чуть ли не через перила перевешиваются.

Ладно, после.

Мы с Гердой одновременно покосились на ненужных свидетельниц и в голос спросили:

– Я пойду?

– Я зайду за тобой вечером?

– Хорошо.

– Приходи.

– До вечера.

– До вечера.

Я подошел к двери, здесь никакие любопытствующие особы уже не смогут меня рассмотреть.

– Герда.

Когда она обернулась, я поднял руку и поцеловал серебряное помолвочное кольцо.

Глава 3

Дом и семья это хорошо. Даже когда в родственниках такие фунсы, как Оле Сван. Притащил зачем-то алебарду и кирасу, и целый день сегодня я то скакал по двору ошалевшим горным козлом, уворачиваясь от топора с крюком, то улетал до ближайшего препятствия, когда капитану удавалось меня достать. Иногда успевал ухватиться за длинную железную палку, но Сван обратным рывком тут же бросал меня на колени, а потом просто стряхивал с древка, как воду с ножа. Да еще и вещал противным голосом, что со шпагой на алебарду выходить глупо, шансов никаких, но один все же есть. В конце концов я в полном отчаянии вцепился в алебарду так, что, казалось, пальцы ушли в металл оковки, сколько-то поболтался на ней, словно флаг на ветру, и все-таки не столько дотянулся до Оле в длинном выпаде, сколько просто свалился на него шпагой вперед. После чего был отпущен с миром, и потому смог дожить до вечерних семейных посиделок.

И чего ради? Сейчас одни только стражники с алебардами ходят, а с городской охраной я точно драться не собираюсь.

– Оле, а какой один шанс?

– Пистолет в другой руке.

Ах ты, гад! Бросить бы в него чем-нибудь, но, во-первых, кроме лежащей на коленях книги под рукой ничего нет, а во-вторых все равно поймает.

Ничего, Вестри отомстит за меня. Пес, считающий мебель своей безраздельной собственностью, протиснулся между Оле и спинкой дивана и потихоньку выдавливает Свана. Капитан благодушно почесывает негодника за ушами, но занятых позиций не сдает. Однако и Вестри настойчив.

Герда, оторвавшись от сборника баллад, смотрит на битву за диван и тихонько прыскает в ладошку.

Гудрун, склонив голову над вязанием, ласково улыбается. Она любит, когда все дома.

А завтра целый свободный день.

Вернулась из банного уголка Хельга. Лицо чуть ословелое, распущенные волосы почти достигают колен. Перекинув тяжелые пряди вперед через плечи, сестра присела на скамеечку перед камином и достала из кармана капота гребень.

Герда мигом подорвалась из своего кресла.

– Хельга, душенька, можно я?

Хельга протянула Герде гребень и откинула голову.

Косы сестры действительно чудо. Бледное золото стекает, струится между зубцами гребня. Кажется, еще длиннее становятся волосы Хельги, вот достигли они пола, сейчас ручейками расплавленного металла потекут, заполняя собой комнату. Как в сказке про красавицу-мастерицу Сигриву, что жила в городе Брогне близ Ночного хребта. На весь свет славилась Сигрива длинными золотыми косами и искусством прядения. Когда подступили к родному городу девушки враги, их предводитель потребовал вдохновенную пряжу себе в жены. А иначе быть на месте Брогна засыпанному солью пепелищу. Хорошо, ответила красавица, только дайте прежде работу закончить, из того, что на прялке, нитку до конца скрутить. Заподозрил вражеский предводитель, что мастерица обманет, будут жители города ей тайком шерсть приносить, и никогда работа не закончится. Отвели Сигриву в горы, в тайную пещеру.

Вот последние шерстинки на прялке скрутились в ровную крепкую нитку. Что делать теперь Сигриве, как отсрочить ненавистное замужество? Отрезала тогда мастерица свои длинные косы, стала из них пряжу сучить. Надолго ли хватит? Нет, казалось бы, только косы красавицы за ночь еще длиннее, чем были, отросли.

Так с тех пор и прядет Сигрива. Словно посреди золотого моря сидит она, не стареет, не устает, только косы отрезанные каждый раз вдвое удлиняются, а на веретене ни на виток нитки не прибывает. Прядет Сигрива и не знает, сколько в миру лет прошло.

В детстве я мечтал отыскать пещеру златопряхи. Когда узнал, зачем людям нужны карты, разложил на полу в библиотеке атлас Ночного хребта и целый день ползал на коленях, отыскивая город Брогн. Не было такого ни в горах, ни около, ни вообще во всей земле Фимбульветер. Позже в хрониках так же не удалось найти ни единого о нем упоминания.

А мирные семейные посиделки меж тем идут своим чередом.

– Девчонки, – умилился Оле, глядя на Хельгу и Герду. – Девчонки-печенки, съели поросенка! Мы так в детстве дразнились. Девчонкам полагается обижаться и визжать.

– Почему? – выгнула бровь Хельга.

– Так девчонки же! – развел руками Сван.

– Ах так!

Наши красавицы хищно переглянулись, но ни завизжать, ни учинить другую какую каверзу не успели. Раздался стук в дверь, Вестри с лаем кинулся в прихожую, Гудрун последовала за ним и через несколько минут вернулась, сопровождая высокую крупную женщину в темном плаще и широкополой мужской шляпе. Незнакомка прищурившись, внимательно оглядела всех нас, довольно кивнула.

– Ну, здравствуй, Хельга.

– Астрид! – вскрикнула сестра и, вскочив со скамеечки, бросилась госте на шею.

Астрид Легльёф была для нашей семьи кем-то вроде персонального духа-хранителя Хельги. Сестра поминала ее не часто, но всегда добрым словом, а саму легендарную особу никто кроме Хельги и не видел. Но именно благодаря ей студентка Кьоль не сбежала из Университета уже через три недели после начала занятий, сохранила веру в людей, а также, по особому мнению Гудрун, не померла от голодухи и запущенности.

Астрид Легльёф, старшая дочь вожака корабельного клана, была на десять лет старше Хельги по возрасту и на три курса – по учебе. Когда сестра поступила на юридический, корабельщица благополучно получала знания на отделении повитух. Которое и слыло лучшим выбором для желающей учиться девушки. Юридический же факультет издавна считался мужским царством, и появление там Хельги многие восприняли как личное оскорбление. Началась жестокая травля, студенты были готовы убрать нахалку из Университета любой ценой. Хельга ночами плакала в подушку, а днем ходила, сжимая рукоять спрятанного в рукаве мантии стилета. Друзей и заступников у сестры не было, а жаловаться родственникам или ректору ей было стыдно.

В тот день ее снова загнали в коридоре. Вжимаясь спиной в стену, Хельга тоскливо смотрела на преследователей. Что сегодня?

– Зачем мышку обижаете?

Высокая беловолосая девушка спокойно раздвинула плечом будущих юристов, – Отойди-ка, малой! – и встала рядом с Хельгой.

– Значит так, – богатырка не спеша засучила рукава синей с зеленой каймой мантии медицинского факультета, явив миру мускулистые руки, – Будете приставать к ребенку, оторву все в три приема. Вопросы будут? Нет? Тогда брысь!

Хельгиных гонителей как ветром унесло. Про свирепость женщин корабельных кланов – а беловолосая медичка по всему была из них, – ходят легенды по всей Фимбульветер.

– Ты куда сейчас? – обернулась спасительница к Хельге. – Пойдем провожу, дураков, вишь, много.

Сдружились они легко, ни возраст, ни разные факультеты тому помехой не были. Астрид, мужняя жена и мать двоих детей, учила Хельгу, единственную девочку в семье, удравшую

от опеки родителей и пяти старших братьев, и как вести в доме хозяйство, и как дать отпор обидчику, наставляла, когда его можно просто игнорировать, а когда нужно «сразу в глаз».

Астрид была одинока в Гехте. Семья ее осталась «при кораблях» в суровой бухте на севере, а в Университете она приживалась трудно. Громогласную порывистую корабельщицу, отнюдь не соответствующую идеалам городской красоты, с непривычными манерами и странным говором многие считали грубой и неотесанной. Чего стоили одни только мощные морские сапоги («Ну не шьют на меня ваших туфель-то!»). Университетский люд сторонился Астрид, а ей, пытливой, искренней, очень доброй и заботливой, хотелось дружить, разговаривать, делиться с кем-то, вместе докапываться до истины.

Это было хорошее время. Была осень со стычками в Университете, и вечерней беготней из дома в дом, с книгами, театром, умными разговорами и девичьей болтовней, песнями и смехом, был барк по кружкам, сладости в вазочке и мешочек с соленой рыбой, и припрятанные к зимнему празднику Нюсне подарки.

А потом был стук в дверь на рассвете, и суровая сумрачная Астрид в дорожном плаще, и ее молчаливые соплеменники верхами, и оседланный кхарн.

– Тато умер, – сказала Астрид. – Мне домой нужно. А ты, дево, учись. Ничего не бойся. Ты справедливая, хорошо закону служить будешь.

Обратно в Университет Астрид уже не вернулась.

И вот Астрид Легльёф в нашем доме.

– Ну-ка, ну-ка, – приговаривала она, – поворачивая Хельгу перед собой. – Вижу, что из белой мышки с дрожащим хвостиком хорошая крысильда выросла, любому коту жару задать способная. Слышала, мати, все про тебя слышала. Хесса Кьоль! А это все твои? Знакомь. И берегись, если они про Астрид не знают.

Наверное, говорить тихо Астрид просто не может. Привыкла перекрывать голосом шум штормового океана, вот и грохочет на весь дом. Они с Хельгой засели в гостиной, мы с Гердой у меня на втором этаже. Что говорит сестра, не слышно, зато Астрид – каждое слово.

– Что тато за волны уйдет, никто и подумать не мог. Сколько раз он так: в бане разогреется и в прибой ныряет. А тут от легочной хвори за неделю сгорел. Не иначе сглазили его. На южном берегу у баб глаза злые. Если уж пришлось к той земле пристать, надо потом весь карбас, от носа до кормы, от правого борта до левого шерстяной метелкой подмести. Так вот, отца схоронили, кому «Белуху» принимать? Братьев у меня нет, Лейф, старший мой, еще маленький был, остальные вообще не в счет. Рагнара бы наши шкипером называли, но он в ту пору в океане был. Да и как, одной ногой на «Вороне», другой на «Белухе»? А ждать долго нельзя, если карбас за год ни разу вокруг Фимбульветер не обойдет – мертвый корабль. Шкипер я, Хельга. Достоверный дальний шкипер, океаном признанный.

Хельга что-то тихо сказала, Астрид сочно рассмеялась в ответ.

– Да что они, дураки сухопутные, понимали! Шкиперша – это шкиперова женка, сама может всю жизнь на берегу просидеть. Но ничего зазорного в прозвании этом нет, а я ж и вправду и шкипер, и шкиперша, Рагнар мой много дольше меня карбас водит. А про тебя я слышала, хвалят люди. Молодец, мати, и при деле, и при семье. А брат твой...

Дальше выяснилось, что скромностью Астрид не отличается. И предположения у нее...

Мы с Гердой сидели на кровати, сосредоточенно чесали в четыре руки пузо млеющему Вестри и отчаянно краснели, не смея взглянуть друг на друга. Где сейчас Оле? Услышит чего доброго строгий Гердин отец, что про нас люди думают, и такой разгон устроит, что год с лишним, до совершеннолетия и свадьбы, по разным углам сидеть будем.

Уф, мудрость Драконов, Хельга смогла что-то объяснить прямолинейной корабельщице, и старая подруга взялась за обсуждение жизни самой хессы Кьоль.

– А что у тебя всего одна дево, да и ту родителям скинула? Дитев надо много. Что говоришь? А как же тогда мы с Рагнаром? По две трети года не видимся, а то и больше, если кто-

то на зимовье застрянет. Но вот с тех пор, как «Белуху» вожу, к двум сыновьям еще трое. И хоть бы один белобрыска, мати на радость. Все, паршивцы, чернявые Рагнарсоны. Может, девочку родить, хоть она в меня удастся? А что? В других семьях и того больше. Потому и роду корабельному перевода нет. В океан уходим, а вернемся ли, и ведьма не скажет. Зато когда ждешь долго, потом вдвойне слаще. А у тебя и мужичонко вроде ничего.

Оле – мужичонка?! Да, капитан не вышел ростом, особенно по сравнению с могучей Астрид, но в плечах широк, мускулами крепок, повадкой солиден и никак столь уничижительного прозвания не заслуживает. В Гехте его все уважают.

Дверь распахнулась, и на пороге возник сам обсуждаемый.

– Э, ребята, – Оле обвел комнату и нас ошалелым взглядом. – Можно я тут с вами посижу?

Астрид Легльёф приехала в Гехт не только для того, чтобы повидать давнюю подругу. Еще прежде незабываемого девичника состоялся другой разговор, серьезный. Сразу после приветствий и представления семьи достоверному шкиперу.

– Вот ты-то мне и нужен, хронист, – Астрид непочтительно ткнула пальцем в хрустального дракончика-чернильницу. – На Птичьем острове погас маяк. Шли ночью по тихой воде, так еле разглядели.

– А... я-то тут причем?

– Так зажечь надо.

Глубиннику, то есть жителю удаленного от океана города, в жизни не понять, что значит для корабельного клана маяк. Как только ни назовут его в береговых песнях – и верным другом, и лучом спасения, и родным светом, и путь указующим, и тьму пронзающим. Почти живое существо. Посему, если погас, нужно помочь – снова зажечь.

По закону о погасшем маяке следует сообщить в столицу, в Океанскую Палату. Оттуда пришлют чиновника, тот отправится к потухшему светочу, разберется, в чем дело, и все исправит. Вот как все славно и разумно. Всего-то несколько недель без маяка поплавать. Поэтому нетерпеливые корабельщики предпочитают справляться сами. Купить большой горячий кристалл, которого надолго хватит, и заменить прогоревший, а также исправить поломку на маяке способен любой шкипер или просто знающий человек из ватаги. Надо только хрониста с собой захватить.

– Так зачем вам хронист?

Я и раньше слышал, что люди корабельных кланов не то чтобы не почитают Девятерых, но успешно делят свою веру между Драконами и множеством всяких духов и морских чудовищ. Может быть, при зажигании маяка нужно провести некий обряд? Все равно, им тогда не хронист нужен, а жрец или местный колдун какой-нибудь. Если только по обряду именно летописца полагается утопить...

– А чтоб засвидетельствовать, – простым объяснением успокоила Астрид. – Вы ж не врете. Если хронист что в летописи записал, то значит так и было. Наш-то Хрофт сейчас где-то у восточного берега с купцами волны считает, не раньше чем через два месяца вернется. Так что... – шкипер развела руками. – Решили звать из Гехта. Заодно и на мышку поглядеть. А то до вас и не доехать.

– Астрид, – мышка, она же главный прознатчик Гехта, внимательно смотрела на подругу. – А чему должен свидетельствовать хронист?

– Честности шкипера! – фыркнула корабельщица. – Мы, сама знаешь, по воде товары возим. Когда свои, когда чужие. Не хочешь, купец, сам несколько месяцев океан уважать – доверься шкиперу. Слепая Хозяйка гневлива, нипочем не угадаешь, когда рассердится, но бывает время поспокойнее, а бывает – и на берегу жутко. Для себя я сроки сама выбираю, но если с купцом сговорюсь, то иду в океан, когда он скажет. Тут уж гляди в оба, примечай, когда лучше подальше от берега уйти, когда прижаться, по маякам править. Если я своей волей в плохое время в плавание отправлюсь и карбас потеряю, то сама дура и есть. А если по куп-

цову настоянию, то гильдия Ханделла мне обязана ущерб возместить. А теперь скажи, что мне мешает весь товар на восточном берегу продать, сюда вернуться, карбас о скалы разбить и заявить, что маяк не горел? Ничего не мешает, кроме собственной совести. Да еще того, что шкипер никогда свой корабль не предаст. Если кто на такое решится, ему потом только в изгой, которых и за людей-то никто не считает. Но сухопутным купцам этого не понять. Вот и тягеем с собой хрониста. Свидетелем, что маяк не горел. Завтра с утречка поедем.

Завтра с утречка мы никуда не поехали. Во-первых, восстала Гудрун. От Гехта до Рёнкюста, от берега до Птичьего острова, там еще, потом обратно – это несколько суток. Как ребенка несобранным отправить? Домоправительницу поддержала Хельга. С Астрид она готова отпустить кого, куда и насколько угодно, но лучше все-таки к дороге подготовиться и, желательно, не за одну ночь. Во-вторых, Оле возмутился самоуправством корабельщиков. Как это: погасший маяк следует зажигать в присутствии особого чиновника, а делают это вовсе без всякого представителя власти. Мало ли из-за чего маяки гаснут. Тут нужно разобраться. Подобная законопослушность вышла Свану боком – всего лишь через четверть часа властью, устраивающей всех, был признан сам капитан. И если я могу просто забежать утром в ратушу и сказать, что уезжаю на несколько дней, то предводителю стражи, прежде чем отлучиться, надо уладить множество дел.

Отсрочка устроила всех, особенно Хельгу и Астрид. Старым подругам очень хотелось пообщаться.

Чтобы все успеть, Оле спозаранку отправился готовить стражу и город к своей отлучке на несколько дней. Подруги тоже куда-то усакали. Мне пришлось в одиночку выдержать бой с Гудрун, доказывая, что хотя я нашу домоправительницу и бывшую няньку люблю и уважаю, но два сундука, один с теплыми вещами, другой с домашней снедью, с собой не потащу. Право свое отстоял, но Гудрун обиделась. Удалилась на кухню с таким видом, что я должен был почувствовать себя по крайней мере притеснителем вдов, отбирающим у них последнее достояние. Ничего, вечером помиримся. А сейчас в городе дела есть.

Герда вышла меня проводить. Что удивительно, когда Гудрун начинает вещать, что, мол, шарф завяжи, застегнись и перчатки не забудь, это раздражает, а когда Герда, то наоборот, приятно.

Домоправительница сердито бубнит на кухне. Все, что скажет, знаю наизусть. Не отличающиеся новизной и изысканностью вариации на тему «Вот помру, тогда живите, как хотите!» и «Вот помру, что делать будете?». Сегодня преобладает вторая.

– Сиротинушками бедными по миру пойдем! – шепчу я, сражаясь с ремнем сумки.

Герда сердито хлопает меня по руке.

– Гудрун из-за тебя беспокоится.

– И что, мне теперь из дому вообще нос высунуть нельзя? Была б дорога опасная, а то по заливу, по льду срежем, а там до самого Рёнкюста тракт наезженный, не успеем засветло добраться, в любой придорожной корчме заночуем.

Пальцы Герды вдруг стиснули мой воротник, который только что заботливо поправляли.

– По заливу? – спросила она со странной тревогой. – А там бывают полыньи?

– Да какие полыньи, Герда? Он же до дна промерз, весь как один кусок льда. Не только всадников, обозы выдерживает.

– Я поеду с вами, – решительно заявила моя радость. – Посмотреть.

– Герда, ну ты что, залива не видела?

– Не видела. И даже не знала, что он есть. Я тоже хочу... нос высунуть.

– А кол... цветочек твой дивный как же?

– Хеск Брум присмотрит. Он еще лучше меня все знает и понимает. Ла-арс, ну пожалуйста!

Два спора за полчаса это уже слишком много. Есть дело поважнее – успеть поцеловать Герду, пока мы одни в прихожей. К тому же, мое мнение относительно путешествия ничего не значит и не решает.

Астрид взять Герду с собой согласилась сразу. Оле как-то многозначительно хмыкнул, но возражать тоже не стал. Гудрун уломали, объединившись.

Наконец-то отправляемся. Открыты ворота, стоят у крыльца оседланные кхарны. Последние наставления перед дорогой, прощание. Вскочить в седло, протянуть руку Герде и...

– А этот хвостатый куда собрался?

Вестри удивленно оглянулся от ворот. Как куда? С вами!

– Э, нет! – Оле решительно шагнул к псу. – Ты – дома. Давай-ка.

Хвост Вестри, поднятый походным знаменем, жалобно поджался. Уши опустились. Заскулив, суетливо заметался он среди людей и кхарнов, пытаясь заглянуть в глаза. Подбежал ко мне, вскинул лапы на плечи. Пожалуйста! Возьми! Вестри не любит оставаться без меня. Даже когда я на несколько часов уйду в город. Только доносящийся с кухни запах жарящейся курицы может удержать его, и то не всегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.